

Пролог

Екатерина Мещерская

Все мое невезение началось той майской ночью... Точнее, оно началось много и много раньше. Но его пик, его вершина, его эпицентр выпал на тот злосчастный день, вернее ночь.

Мне не спалось. Я искрутилась, изрядно сбив простыни и намотав на себя одеяло, то раскрываясь от жары и включая кондиционер, то, наоборот, кутаясь и выключая. И вот, казалось бы, Морфей своими крыльями почти коснулся моего брэнного чела, как вдруг! Проникая через броню тройной стеклопакетной защиты, в относительную тишину квартиры ворвался звук. О-о-о, это даже был не звук. Это была дрожь, вибрация и буханье басов из приемника машины, припаркованной внизу на проспекте у ненавистного всеми жильцами нашего дома круглосуточного автомагазина «Веселый бампер». И сколько бы ни боролись активисты дома в лице неутомимой и вездесущей Аглаи Митрофановны! Сколько бы ни отправляли петиций в мэрию, в общества по борьбе с... депутатами и в прочие «компетентные» органы — магазин был, успешно существовал и частенько по ночам давал встряхнуться населению дома громкой музыкой, дамским смехом и визгами. А порой и брутальными мужскими матами ночных мотыльков Северной столицы.

Лежала я, слушала отдаленное «тыц-тыц-тыц бао...» и размышляла о вселенской несправедливости и галактическом западле минут 20. Во мне росла злость, вскипала жажда справедливости. Тяжко вздохнув, посмотрела на часы в мобильном телефоне — 2.56. Откинув одеяло, прошлепала босыми ногами на кухню, по дороге ехидно улыбнувшись своему всклокоченному отражению в большом старинном зеркале. Открыв створки холодильника, окинула внимательным взором спектр наименований на предмет стратегического вооружения. Гнилых помидоров, конечно, не было, пришлось остановить выбор на последних двух яйцах, одиноко жавшихся на полке. Решительно встряхнула растрепанной гривой, протопала обратно в комнату и распахнула окно. В комнату ворвались запахи ночного города и ненавистное «тыц-тыц-тыц бао...». Прицеливалась я недолго и с интервалом в 5 секунд отправила оба снаряда в объект моего бешенства, оказавшийся черной «бэхой». Снизу послышались два практически синхронных звука «кляк... кляк...», а затем музыка стала отчетливой и громче из-за открывающейся дверцы и вдруг стихла...

Я во все глаза, свесившись с широкого подоконника, смотрела, как из черного монстра, поверженного моими снарядами, вылезает бритое чудо в потертых джинсах и черной футболке, медленно чешет складку на затылке, словно включая мыслительный процесс, внимательно смотрит, как с крыши на лобовое стекло стекает скользкими желтыми каплями моя мстя. Наконец процесс загрузки мысли, видимо, завершился, и чудо подняло свою бритую голову:

— Э, каза... — многозначительно выдавило из себя чудо, постепенно переходя на диалект, запре-

щенный цензурой. Возможно, это продолжалось бы еще долго и даже перешло бы к более значительным действиям, но тут я, состроив искренне удивленную мордашку, улыбнулась чуду самой невинной и обескураживающей из своих улыбок. Бритоголовый застыл, приоткрыв рот, в позе марала, взирающего на заходящее солнце.

— Милейший, есть какие-нибудь проблемы, возможно, жизненные трудности? Неужто мои действия помешали вам так же, как до недавнего времени мне мешали звуки из вашей машины, — практически мурлыкая, спросила я чудо, реально осознавая свою нечестную игру.

Мужчины всегда обращали на меня внимание. Видимо, генетически от предков мне досталось все самое лучшее — и прямой маленький нос, и пухлые коралловые всегда чуть влажные губы, и огромные миндалевидные глаза такого редкого, насыщенного оттенка цвета океанской волны, длинные ноги и фигура нимфы, которую приобрела, занимаясь гимнастикой и плаванием. Владелец «бэхи» как-то нервно вздохнул, мельком глянул на яичную скорлупу и желток, размазанные по его черному монстру, и, видимо, что-то решив, посмотрел на меня:

— Девушка, проблем нет, особенно материальных, трудностей тоже, кроме легко поправимых, — скосил он взгляд на мою мстю, — но появилось желание познакомиться с объектом, их создавшим. Как насчет вместе позавтракать в качестве уплаты взаимных претензий?

Такого объемного набора слов от бритоголового я не ожидала, но и сдаваться не собиралась:

— Милейший, я думаю, наши претензии вполне компенсированы нашими действиями — вы ото-

брали у меня мгновения драгоценного сна, а я испачкала вашу машину. А посему желаю вам удачного начинающегося дня и засим откланиваюсь. — Напоследок еще раз улыбнувшись опешившему чуду, я захлопнула окно и вернулась в кровать. Машина, еще пару раз посигналив, наконец-то растворилась в утреннем городском тумане.

Вернувшись в кровать, скосила взгляд — 3.18, а сна так и нет. Не зря говорят, что ночь — пора раздумий, мыслей и принятия решений. Вот и я размышляла о том, что жизнь каждого человека очень похожа на длинную дорогу со светофорами, знаками «стоп» и своими поворотами, ухабами и колдобинами, ну и, разумеется, со своими перекрестками. Когда стоишь на этих перекрестках, задумываешься: в какую сторону тебе действительно нужно и правильным ли будет это направление, что ожидает тебя за этим поворотом — тихая лесная грунтовка или оживленная автострада с сумасшедшими скоростями. Вот на таком стратегически важном перекрестке оказалась и я в свои девятнадцать лет.

Жизнь моя, может, и не была безоблачной, но была стабильна и полна любовью. Моя немногочисленная семья вела свои корни из старого русского дворянского рода, и даже некогда княжеского. Героический боевой дед с выправкой отставного офицера Филипп Матвеевич и моя тихая, интеллигентная, всепонимающая и всепрощающая бабушка Ксения Николаевна, а также моя милая, озорная, порой взрывная и всегда веселая мама Полина Филипповна Мещерская делали мою жизнь светлой, насыщенной и счастливой. Воспитывали меня, как дворянского отпрыска, на примерах классической русской литературы и пытались вложить в меня, как им каза-

лось, необходимые знания и умения. Кроме игры на фортепиано я осваивала этикет, училась танцам и английскому. И была бы вполне довольна жизнью, если бы в 7 лет не познакомилась с рыжей Валькой, дочерью почтальонши тети Глаши.

С Валькой мы были словно разнозаряженные частицы, которые неизбежно притягивались друг к другу в силу всех мыслимых и немыслимых физических законов. Тогда, в далеком детстве, я шла из булочной и вдруг увидела, как два вихрастых мальчишки дергают за рыжие косы, обзывают и толкают невысокую, сбитую девчущку с веселыми конопушками на курносом носике. И... как всегда, во мне разыгралась тяга к вселенской справедливости. Я, ни секунды не раздумывая, подбежав, огрела хозяйственной сумкой самого рослого мальчика, уже намеревавшегося ударить девочку. Повисла немая сцена, растерянность двух враждующих сторон. Первой очнулась Валька и, схватив меня за руку, бегом утащила через ближайшую арку в соседний двор. С того момента мы стали едины, как две половинки одного целого. С подругой я постигала все хитрости дворовой жизни и все тяготы и «нешуточные» проблемы детского коллектива среднестатистического питерского двора. Я научилась драться, язвить, изучила практически все жаргонные словечки и даже умело могла их ввинтить при случае в словесную перепалку, научилась не плакать и стойко и по возможности с юмором переносить все жизненные трудности, коих с моим чувством справедливости и Валькиным темпераментом на нашу долю выпадало немало. Так и формировался мой характер и закалялась моя личность на примерах героев Лермонтова, Тургенева, Чехова, с одной стороны, и дворовой

жесткости и реалиях современной действительности — с другой.

Отца своего я никогда не знала и даже никогда не видела. А когда достигла возраста «взрослого» вопроса родительнице «где же мой отец?» — надо отдать ей должное, она вовсе не достала из закровов комода заготовленное фото с героическим шпионом, летчиком или отважным полярником, а просто обняла меня и честно призналась:

— Не знаю, Кэт, я не знаю, где он, но я его любила так же сильно, как сейчас люблю тебя, — сказала и взлохматила рукой мои густые каштановые с медным отливом локоны.

И я была ей так благодарна — за честность... за любовь... за то, что она просто есть... и за то, что зовет меня Кэт, а не Екатерина, как бабушка и дед.

А потом случилось ужасное. Машина, в которой с дачи возвращались дед и мама, попала в аварию, и их... не стало... Я стояла на кладбище и в свои пятнадцать, держа бабушкины холодные пальцы в своей ладони, понимала, что мы с ней остались вдвоем. А спустя 4 года, возвращаясь из университета, увидела у нашей парадной «Скорую». В тревожном предчувствии забилося сердце, и уже через пару минут его как будто сжали ледяные тиски. В квартиру я поднималась, уже зная, что меня ожидает. Врач что-то говорил о слабом сердце и возрасте. Я кивала и смотрела пустым взглядом в родные лица на фото, стоящие в рамочках на старинном семейном секретере. Потом снова было кладбище, пустая квартира, такая же пустота в душе и осознание полного одиночества. Хотелось вжаться в уголок квартиры и рыдать от чувства необратимой потери и растерянности.

Неделю я ходила, как зомби, из угла в угол нашей огромной квартиры. Подходила к фотографиям, тихонечко гладила их кончиками пальцев и тихо поскуливала, вновь замыкаясь в своем горе. А потом в мою горемычную жизнь ворвался девятибалльный шторм Валентина, смывая собой все мои горести и погружая тяжелые воспоминания на дно моей души, нещадно топя все это своим экстремальным оптимизмом и неумной жаждой жизни, заражая этим и меня, заставляя очнуться и начать жить с новой удвоенной энергией. Слушая ее щебетание о погоде, шмотках, тенденциях моды, мужчинах, выставках и еще о миллионе вещей, я чувствовала, как крошится внутри меня скорлупа оцепенения. Я улыбалась, отвечая на ее задорную улыбку.

Благодаря наследию родственников я стала обладательницей небольшого, но осязаемого капитала в банке, большой квартиры в центре Санкт-Петербурга, дачи на Карельском перешейке, коллекции антикварных вещей, шкатулки с бабушкиными драгоценностями и подержанного автомобиля «Фольксваген-Гольф», который мы с бабушкой любовно именовали «Гольфик». Поэтому, ни в чем не нуждаясь, я могла спокойно заканчивать свой исторический факультет любимого университета и, собственно, практически ни в чем себе не отказывать.

Валентина, на которую сидение на одном месте навело грусть, таскала меня на всевозможные концерты, тусовки в клубах, тематические пати. Там, разумеется, две привлекательные, да что уж лукавить, красивые девушки не оставались без внимания кавалеров. Так в жизни Вальки появился хороший, простоватый, но такой надежный, как форт Нокс, парень с грозным именем Борис и такой же грозной

внешностью. Но в отношении Вали он был нежен, как котенок, и при виде ее взгляд его лучился и теплел. Мои же отношения с мужчинами были, мягко говоря, странными, а точнее никакими. Нет, я, безусловно, нравилась мужчинам, и они, конечно, знакомились и даже пытались ухаживать. Только как-то не случилось того самого, к которому тянется сердце, без которого все серое, ради которого готова на все. Возможно, мое воспитание создало в моем мозгу образ рыцаря или даже принца, которого хотелось однажды встретить. Чтобы ради меня был выигран турнир, и звучали фанфары, и чтоб конь белый, и чтоб любовь истинная... вечная...

В сравнении с этим моим придуманным образом все знакомые мужчины явно проигрывали в соотношении 10 максимум к 3. Вот с таким багажом я и подошла к главному перекрестку моей жизни.

Глава 1

НЕ ВЕРЬТЕ НЕЗНАКОМЫМ ФЕЯМ

Екатерина Мещерская

Скосила взгляд на часы в телефоне — 5.59, которые тут же сменились входящим вызовом. Звонила Валька: — Китти, Китти, родная, представляешь, Борька выиграл путевку, горящую, все включено, на неделю, вылетать нужно сегодня, а у меня работа и... — В трубке послышался жалобный всхлип. Да... Плачущая Валька — это просто небывалый факт.

Надо сказать, трудилась подруга в одном небольшом магазинчике, продающем все — от бытовой химии до любых домашних мелочей и сувениров. Эдакая лавка 1000 мелочей. Хозяйка магазина, немолодая, строгая, но не жадная женщина, платила Вале приличную зарплату. И потерять такое место подруга не могла. Обижать Валентину не хотелось, да и времени было много до первых экзаменов. И я согласилась:

— Поезжай, Валек, оторвись там за нас двоих, а я тебя заменю на недельку, тем более смен у тебя на неделе только три.

В трубке послышался явный выдох облегчения.

— Я так рада, что ты у меня есть, Китти, и я такая счастливая, как же хочется, чтобы и у тебя было такое же счастье!!! — воскликнула подруга.

— И я очень рада, что ты у меня есть! Поцелуй от меня Борьку.

— Поцелую, трижды!!!— проорала мне Валька.

— Сильно-то не зверствуй, это же от меня, — усмехнулась я.

— Слушай, Китти, к нам в магазинчик мэн заходил, ну чисто принц твоих грез. Все как доктор прописал! Обещался наведаться снова, когда я ему про одинокую подругу намекнула. Ты там сразу в позу противотанкового ежа не вставай, приглядишься, а? — с надеждой протянула подруга.

— Валь, ну, сколько можно?! — привычно закатила глаза я.

— Мне можно, счастливые женщины хотят сделать счастливым весь мир вокруг. А ты огромная часть моего мира, Китти. Целую тебя, родная.

— И я! — эхом отозвалась я и положила трубку.

Часы показывали 6.30. Валькин магазин начинал работать с 9.00, и до него было не так уж близко, а поэтому нужно было поторапливаться. С удовольствием потянувшись, с грацией пантеры направилась в ванную. По дороге громко включив любимую радиоволну и уже пританцовывая с зубной щеткой во рту, пристально всматривалась в лицо красивой зеленоглазой шатенки, отражающейся в зеркале напротив. Макияж много времени не занял. Пару раз махнув по длинным густым ресничкам тушью, нанесла розовый блеск на губы и слегка оттенила скулы неброскими румянами. Волосы, тщательно расчесав, так и оставила рассыпанными по плечам, спускающимися по спине до самой талии густой шоколадно-медной волной. Напялив быстренько белье и чулки, втиснула фигурку в любимый бежевый костюмчик с юбкой-карандашом. Подошла к бабушкиной шкатулке и ненадолго зависла. Украшения я любила. А эти, старинные, с красивыми камнями, — они завораживали. С каждой безделушкой была связана своя история. Так часто каждую из

них рассказывала мне бабушка... Бабушка... Перевела полный нежности взгляд на ее улыбающееся мне с фотографии лицо. Выбор остановила на старинных сережках с небольшими изумрудиками в виде лепестков экзотического растения и на странной брошке, о которой мне бабушка ничего не рассказывала, но она мистическим образом всегда притягивала меня. Брошь была выполнена в виде сложнопереплетенных лепестков, в центре которых покоился камень, очень похожий на изумруд, но отчего-то я точно знала, что это какой-то другой камень. Тронув запястья любимыми духами, еще раз покрутилась перед зеркалом и осталась довольна своим внешним видом.

Выпила чашку свежего кофе. Тщательно вымыла за собой чашку и кофейник, протерла все кухонные поверхности, следуя многолетней привычке к аккуратности во всем. Сунула в небольшую бежевую сумочку мобильник, кошелек, права и на всякий случай банан. На ходу запрыгивая в любимые бежевые туфельки на шпильке от Christian Louboutin, практически выбежала из квартиры. Садясь в любимый «Гольфик», погладила его нежно по капоту, как старого друга.

В магазин я не опоздала, хозяйка была на месте и, услышав звякнувший колокольчик на входе, подняла на меня взгляд.

— Здравствуйте, — жизнерадостно улыбаясь, поприветствовала я женщину, — я Екатерина Мещерская и, если вы не возражаете, могла бы заменить мою подругу Валентину Старожилову, которая будет отсутствовать неделю по семейным обстоятельствам, — выпалила я на одном дыхании, продолжая все так же скалиться. Женщина окинула меня внимательным взглядом с ног до головы и, видимо, осталась довольна, потому что улыбнулась и просто сказала: